

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7
EDN: MFHOTB

Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины¹

Ссылка для цитирования: Косов Г. В., Ярмак О. В., Гарас Л. Н. Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.
For citation: Kosov G. V., Yarmak O. V., Garas L. N. Galicia and Donbass as Ideal models of regional identity: socio-cultural roots of the confrontation between Western and Eastern Ukraine. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.

SPIN-код: 2630-4171

Косов Геннадий Владимирович¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

kossov1@yandex.ru

SPIN-код: 8215-7744

Ярмак Ольга Валерьевна¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

olga_yarmak@inbox.ru

SPIN-код: 9700-5761

Гарас Людмила Николаевна¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

garas_ln@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-01684 «Особенности восприятия государственного транзита в регионах пост-Украины».

Аннотация. В данной статье рассматриваются идеальные модели региональной идентичности на Украине – Галичина и Донбасс. Подчеркивается, что Украина, став суверенным государством и появившись на политической карте мира в 1991 г., столкнулась с проблемой ярко выраженной мозаичности регионов. Отдельные регионы включались в состав Украины уже оформившиеся как самобытные целостности с устойчивыми особенностями культуры и способом жизни населения. Авторы акцентируют внимание на том, что на территории Украины сосуществовал целый ряд территориальных комплексов достаточно слабо связанных между собой, а подчинение их различным государствам в силу частого изменения границ, обуславливало их сложное взаимодействие. Процессы изменения политической принадлежности регионов актуализируют идентификационный вопрос, а идентичность в таких условиях превращается в некоего демиурга действительности и может выступать главным, а иногда и единственным источником смыслов. Провозглашение независимости Украиной актуализировало исторически сформировавшиеся противоречия, ранее существующие преимущественно латентно. В статье доказывается наличие социокультурных регионов, своеобразных этнотерриториальных сообществ, создающих континуум с ярко выраженной дихотомией – Донбасс и Галичина. Начиная с первых лет независимости Украины в сознание граждан активно внедрялся образ новой независимой страны как великой европейской державы, становлению которой всегда мешала и продолжает мешать Россия. То есть продвигался проект, в основу которого был положен галицийский национализм (с подчеркнута русофобской основой) и концепция «титульной украинской нации». В свою очередь, регионалистские настроения на Востоке Украины показали, что региональная идентичность может обладать большим потенциалом для социальной интеграции граждан. Начиная с 1990-х годов Донбасс нередко выступал в качестве объекта преднамеренно «иног» со стороны украинской политической и культурной элиты, что являлось контрастным фоном в контексте практик национального строительства Украины. Авторы приходят к выводу, что формирование украинской национальной идентичности осуществлялось весьма противоречиво и характеризовалось ярким доминированием региональной идентичности на Востоке Украины на фоне тотального продвижения Галицийского проекта, причем с 2014 г. его продвижение осуществлялось именно вооруженным путем. Однако, насильственное стремление нивелировать региональную идентичность жителей Востока Украины запустило процесс сецессии региона – самопровозглашение ДНР и ЛНР и их последующее включение в 2022 г. в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: региональная идентичность, Украина, Россия, Донбасс, Галичина

Введение

Исследование особенностей региональной идентичности Украины являются актуальными, что связано с геополитическими трансформациями конца XX – начала XXI в., приведшими к изменению «знакового мира», обусловившими нестабильность и плюральность векторов развития будущего. Перемены, происходящие в структуре современного мирового порядка, доминирующих тенденциях его динамики, взаимоотношениях его ключевых игроков, спроецировались на качественное и количественное изменение границ государств. Так, распад Советского Союза привел не только к появлению на политической карте мира новых государств, но и усилил в них социально-экономическую напряженность и конкуренцию

элит, обострил межэтнические проблемы и противоречия, актуализировал вопрос идентичности населения как в масштабе государства в целом, так и его регионов в частности.

Цель представленного исследования – выявить особенности становления региональной идентичности на примере таких украинских регионов как Донбасс и Галичина в ретроспективном срезе, определить социокультурную специфику и сложности формирования украинской национальной идентичности и обосновать запрос на федерализацию, существовавший на Украине до 2014 г., приведший к сецессии части территорий восточной и юго-восточной Украины после событий 2013–2014 гг.

Теоретико-методологические основы исследования

Отдельные аспекты процессов формирования региональной идентичности исследуются в работах и зарубежных, и российских исследователей. Так, этнополитическое районирование и исторические предпосылки регионализации стали предметом изучения М. С. Днистрянского [36], В. Н. Рогатина [22] и других.

Н. Ю. Рябчук [48] заявляет о существовании «двух Украин», подразумевая не просто Восток – Запад или россияне – украинцы, а предполагая, что существует два кардинально отличающихся проекта, в первую очередь две разные системы ценностей: советских – антисоветских, евразийских – европейских. То есть, одна Украина – это проект, ориентированный на Польшу – Литву и их путь посткоммунистического развития и ценностное сопровождение, а другая – это проект, ориентированный на Россию – Беларусь, ценности «Русского мира» и соответствующий путь развития. Автор подчеркивает, что данные проекты несовместимы между собой и имеют ценностно-цивилизационное измерение, хоть и коррелируют с этничностью, языком и регионом. В тоже время они коррелируют с возрастом и образованием: молодые и более образованные выступают приверженцами проекта «европейской» несоветской Украины, а старшие и менее образованные – наоборот. После отделения наиболее «советизированных» регионов: Крыма и Донбасса, «две Украины» остаются, но изменился уровень их поддержки населением, доминантным стал европейский проект.

Британский и канадский доктор политологии украинского происхождения, специалист по истории и политике СССР, России и Украины, советолог, автор научных статей по национализму и геополитике Т. Кузьо [60; 62], рассматривая российско-украинские отношения в рамках дискуссий о национальной идентичности, культуре и «инаковости», отмечает, что правящие элиты Украины не придерживаются консенсуса по поводу того, как относиться к «значимому Другому» (России), что является весьма важным в процессе формирования национальной идентичности. В статье «Национальное самосознание и написание истории в Украине» [61] Кузьо подчеркивает, что в российско-украинских отношениях существует высокая острота споров касательно истории и ее интерпретации, что несо-

мненно влияет на внутреннюю и внешнюю политику украинского государства, прежде всего, на их межгосударственные отношения. Российские элиты и большинство россиян не рассматривают Украину и Белоруссию как «чужие» страны.

Сущность и механизмы формирования национальной идентичности изучали А. Валевский [29], Е. Грицай и М. Николко [5], И. В. Жирун [8], Л. П. Нагорная [19], Л. А. Фадеева [25].

Территориальную идентичность регионов, в том числе и украинского пограничья, исследовали Л. Баррингтон [55], С. В. Мельничук [16], В. П. Рогатин [47], Л. В. Томанчук [24]. Так, Т. Ю. Журженко [9] рассматривает проблему демаркации постсоветских границ и ее политические, социальные и культурные последствия, особо обращая внимание на случай российско-украинской границы, анализирует проблемы российско-украинского трансграничного сотрудничества сквозь призму конкурирующих проектов европейской и «пост-советской» интеграции.

В фокусе научного исследования Я. В. Верменич [30; 31; 32] находится регионализм на Украине как культурный феномен, особенности территориальной идентичности украинского пограничья, Донбасс как пограничный регион, Крым и Донбасс в судьбе Украины и др.

Формирование идентичности в контексте конфликтологической парадигмы изучал А. В. Баранов [2; 3].

Специфику «демаркации границы» «Галичина – Донбасс» выявляли и описывали О. Маланчук и Н. Черниш [53], С. П. Пахоменко [42].

Региональные особенности исторических идентичностей и их влияние на формирование современных политических ориентаций на Украине изучала В. В. Середа [49; 50]. В статье «Региональная историческая идентичность и память» [51] В. Середа отмечает в качестве вызовов жизнеспособности украинского государства отсутствие культурной и политической сплоченности, которая вписывается в дихотомическую концептуальную схему Восток-Запад. Исследователь подчеркивает, что именно историческое прошлое выступает определяющим фактором сплочения/дезинтеграции украинцев.

Вопросам исследования украинской идентичности посвящены работы М. Т. Степико [52], который ее анализирует, учитывая взаимообусловленность всех ее компонент – национальной, этнической, а также идентичности государства и страны. Особое внимание автор уделяет историко-культурным основаниям становления украинской нации и корреляции с современными особенностями формирования украинского государства.

Характеристика эмпирической базы. Эмпирическую базу исследования составили: перепись населения 2001 г.¹ [33], результаты фокус-групповых исследований [53], массовых социологических исследований, проводившихся во Львове и Донецке с 1999 по 2004 гг. [53], рейтинга мониторинга [46] и общенациональных опросов [23] (Киевский международный институт социологии). Особое значение имеют данные социологических

¹ Всеукраїнський перепис населення 2001 р. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 30.04.2024).

исследований, проведенных Институтом политических и этнонациональных исследований имени И. Ф. Кураса [44] и Украинским Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова [37].

Методологическая база исследования связана: с концепцией социального хронотопа и одним из ее элементов – пространственно-временной компонентой идентичности [25]; конструктивизмом и моделью социокультурных размежеваний С. М. Липсета – С. Роккана [15].

В рамках методологических пояснений отметим, что авторы периодически будут использовать условно географические термины «восточная» и «западная» Украина. При этом мы понимаем, что западная Украина не сводится к Галичине (Львовщине), а восточная – к Донбассу. Тем не менее, мы будем говорить о Галичине и Донбассе как об идеальных типах (в терминологии М. Вебера) региональной идентичности. Согласно данным исследования, проведенного польскими социологами в 2003 г., жители западных областей Украины (Волинской, Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской) оказались более похожими по различным аспектам идентичности (идентичность места, привязанность к месту, психологическая укорененность, соседские связи, региональная и национальная идентичность и т. д.) на жителей восточных и юго-восточных областей Польши (главным образом, Польской Галиции), чем на жителей Крыма и Восточной Украины (Днепропетровской, Харьковской, Донецкой областей) [54]. Схожую позицию занимал и украинский исследователь М. Т. Степико, который отмечал, что жители Донбасса и Крыма считают себя по характеру, обычаям, традициям ближе к россиянам, нежели к своим согражданам из западных областей Украины [52, с. 199–206].

Порубежье на Украине и проблемы обретения идентичности: теоретический аспект

Украина, став суверенным государством и появившись на политической карте мира в 1991 году, столкнулась с проблемой ярко выраженной мозаичности. Как отмечали Г. В. Косов и Д. В. Маковская в статье «Население Украины в условиях государственного транзита: ретроспективный анализ» [12, с. 69], Украина – это «рубежная страна», включающая порубежье трех масштабных пространств: западноевропейского, восточноевропейского и средиземноморского. То есть формирование современной территории украинского государства происходило на основе интеграции нескольких четко обозначенных пограничий (фронтальных зон). Как отмечала И. А. Халий, Украина демонстрирует географическое разделение, когда страна в своем «взгляде на мир» и «желательные перспективы развития» делится пространственно [26, с. 32]. Подобные «рубежные зоны», писал В. А. Дергачев [12], могут обладать как созидательной, так разрушительной энергетикой, что зависит от множества факторов, в том числе от качества политической элиты и ее геополитической ориентации.

Украинский исследователь В. П. Рогатин указал на то, что отдельные регионы включались в состав Украины уже оформившиеся как самобытные целостности с устойчивыми особенностями культуры и способом жизни населения [47, с. 6], то есть речь идет о регионализации. На протяжении столетий, подчеркивает Г. Королев, на территории Украины сосуществовал целый ряд территориальных комплексов достаточно слабо связанных между собой, а подчинение их различным государствам в силу частого изменения границ, обуславливало их сложное взаимодействие [38, с. 16–17].

Земли современной Украины в разные исторические периоды находились под разным влиянием, а именно: российским, польским, австрийским, венгерским, турецким, были составными частями разных макросоциальных общностей – европейской и российской, что оказало влияние на образ жизни, мировосприятие, ценностные ориентации населения разных регионов Украины [31, с. 12].

Процессы изменения политической принадлежности регионов актуализируют идентификационный вопрос, а идентичность в таких условиях превращается в некоего демиурга действительности и может выступать главным, а иногда и единственным источником смыслов. Конечно, как отмечал известный британский социолог Э. Гидденс, обретение идентичности в современном обществе является весьма сложным и далеко не беспроблемным процессом, так как индивид в поисках идентичности сталкивается с рядом «дилемм самоопределения» [56], ведь в условиях «текущей современности» (З. Бауман) все затруднительнее отвечать на вопрос: кто ты?

Сегодня «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [10, с. 7]. Иными словами, есть долговременные факторы – базовые культурные ценности, выступающие неизменными константами на протяжении длительного исторического периода, которые будучи характерными для многих поколений какой-либо общности, выступают стабильными показателями их идентификации [18, с. 16]. Именно культура формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, т. е. чувство идентичности [1].

Идентичность, являясь многомерным феноменом, может выступать как фактором консолидации общества, так и быть источником конфликтов. Повышенный градус конфликтности характерен для тех сообществ, которые находятся на пересечении цивилизационных и культурных границ. Как отмечал С. Хантингтон: «Украина – это расколота страна с двумя различными культурами. ... Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий» [27, с. 255]. То есть проблема культурно-цивилизационной идентичности Украины – ключевая. Связана она с опытом исторической памяти, что, в свою очередь, обуславливает стратегии дальнейшего развития государства.

Характерной особенностью «рубежной страны» может стать столкновение полюсов культурного развития, что способно детерминировать перманентную историческую турбулентность, «расшатать» поведенческий стереотип, вызвать чувство ностальгии за «чужими» культурными образами, а также затруднить формирование государственной идентичности, то есть «расколота культурно страна» характеризуется незавершенностью синтеза и это может стать ее постоянной чертой. Г. А. Королев считает, что феномен украинского «разделения» заключается в его принципиальной непреодолимости, который обуславливает появление различных ответов на одни и те же вызовы и формирует состояние раздвоенной лояльности, дихотомии ментальности и т. п. [38, с. 17]. Так, обретение независимости Украиной в 1991 г. не создало автоматически целостную украинскую государственную идентичность, формирование которой затруднялось рядом региональных особенностей.

Численность населения Украины на 1 января 1991 г. составляла 51 млн 944 тыс. человек. Национальный состав населения страны пестрый. По итогам переписи населения Украины 2001 г., доминантная группа украинцы – 77,8%, а самое крупное меньшинство – русские, которые составляли 17,3%, (свыше 8 млн человек)¹, локализовавшихся в основном на Юго-Востоке страны. То есть в стране появляются регионы (например, Крым, Донбасс и др.) с компактным проживанием людей, идентифицирующих себя как «русские», «русскоговорящие украинцы», разделяющих ценности русской культуры и цивилизации православия, обладающие единой системой ценностей, в которой особая роль отводится языковому фактору, а также выступавших за добрососедские отношения с Россией.

Провозглашение независимости Украины актуализировало исторически сформировавшиеся противоречия, ранее существовавшие преимущественно латентно. Как пишут российские исследователи А. О. Наумов и А. Ю. Наумова, среди базовых направлений дезинтеграции следует отметить: экономическое (аграрный северо-запад и промышленный юго-восток), политическое (стремление жителей западных регионов страны к унитаризму и тяготение к федерализации на юго-востоке), конфессиональное (греко-католичество на западе и православие на востоке), языковое (украинофоны, доминирующие преимущественно в западных областях, в основном на Львовщине) и билингвы и русофоны преимущественно сосредоточены на юго-востоке страны) и ментальное (условно западноевропейский и российский тип самосознания) [20, с. 56].

Исходя из вышеизложенного, сделаем промежуточный вывод о том, что сложившиеся противоречия свидетельствуют о наличии социокультурных регионов, существовании этнотерриториальных сообществ, создающих континуум с ярко выраженной дихотомией – Донбасс и Галичина [39, с. 14], как некие условные идеальные типы.

¹ Всеукраїнський перепис населення 2001 р. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 30.04.2024).

Галицийский национализм и регионалистские настроения на Востоке Украины как основа социальной интеграции граждан

Новые идеологемы, начиная с первых лет независимости Украины, обусловили политику украинизации, а часть политической элиты, в основном Востока и Юга Украины, разыгрывая карту «русский язык как второй государственный» в предвыборной гонке, стремилась усилить свой политический вес.

В сознание граждан активно внедрялся образ новой независимой страны как великой европейской державы, становлению которой всегда мешала и продолжает мешать Россия. То есть продвигался проект, в основу которого был положен галицийский национализм (с подчеркнута русофобской основой) и концепция «титупольной украинской нации». Так, в трудах одного из идеологов украинского национализма Д. Донцова, который начинал свои интеллектуальные изыскания еще в период Российской империи, национализм увязывается с идеями мистической апокалиптической борьбы Востока и Запада, ведется «поиск врагов (русские, поляки, евреи) и противопоставление себя им» [7, с. 27]. В эссе «Дух России» («The Spirit of Russia») (1961 г.) Д. Донцов представляет Россию в качестве врага, метафизического зла, которое не может быть рационально познаваемым [28, с. 143]. Пропагандируя насилие, Донцов призывает все европейские народы на борьбу с Россией. Украина должна выступить в авангарде этой борьбы, ведь будучи частью романо-германского мира, она должна отделиться от России и интегрироваться в Европу.

Именно политические и культурные ценности Галичины украинцы должны были воспринять как ценности истинной Украины, в которой, по мнению И. Кононова [39, с. 28], кристаллизуется современная украинская нация. Донбасс представляется как не совсем развитый регион, в котором формирование такой нации еще не произошло, и, как следствие, в данном регионе видится угроза существования Украины как единого политического организма. Так, ценности региональной идентичности Галичины преподносились в качестве эталонных, что для полиэтничного государства стало политическим анахронизмом, разрушающим основы государства. Конституция Украины 1996 г. закрепила унитарную форму государственного устройства (идея федерализации не смогла воплотиться), что свидетельствует о практике жесткого регионализма, то есть преобладает формальный подход к восприятию регионов, заданный существующими административно-территориальными границами и ограниченный многочисленными барьерами для регионального развития. Подчеркнем, что федерализация Украины в данном случае позволила бы снять региональные противоречия, примирить региональные идентичности, сформировать общегражданскую идентичность и, как итог, сохранить целостность государства.

Политика ограничений в языковой сфере (нападки на русский язык), ситуация в украинском православии (продвижение схизматической Украинской православной церкви Киевского Патриархата, а позже создание псевдопоместной церкви и гонение на каноническую Украинскую православную церковь Московского Патриархата), навязывание своих героев и праздников и т. п. стали триггером для действий, направленных на защиту существующего социально-политического уклада, носителей иной, отличной от западноукраинской, идентичности [4]. Ответом и защитной реакцией на продвижение культурной унификации и навязывание стандарта, стало стремление регионального социума защитить свою самобытность, что нашло свое проявление в защите регионального пространства развития, отстаивании приоритетов социокультурной, этнической, религиозной и иных групповых идентичностей, распространении конфликтного противостояния.

Регионалистские настроения на Востоке Украины показали, что региональная идентичность может обладать большим потенциалом для социальной интеграции граждан. Начиная с 1990-х гг., Донбасс нередко выступал в качестве объекта преднамеренно «иногo» со стороны украинской политической и культурной элиты, что являлось контрастным фоном в контексте практик национального строительства Украины. Как подчеркивает А. Миллер, «энергичный, пользующийся поддержкой мощной диаспоры западноукраинский национализм смотрел на восточных украинцев с их русским языком как на объект социальной инженерии, из которого еще только предстояло сделать полноценных украинцев» [17, с. 63]. Тем не менее, отмечает И. Кононов, Донбасс в то время представлял собой уникальный регион, а существующие противоречия между Галичиной и Донбассом, особенно в вопросах формирования нации, не выступали фатальным расколом. Однако политика Киева по жесткому выстраиванию национальной идентичности в духе галицийского (львовского) проекта привела к усилению запроса на федерализацию Украины, и, как следствие этого, к событиям 2014 г.

Пространственно окрашенные идентификации становятся основанием консолидации сообществ как носителей устойчивых специфических черт массового сознания. Региональная идентичность, выступая в роли конструктора, способна формировать мировоззренческие принципы и ментальные стереотипы определенного территориального сообщества. Вследствие исторических и геополитических обстоятельств латентное состояние региональной идентичности способно быстро перейти в активную фазу и выступить фактором общественной жизни. Ярко выраженная региональная идентификация позволяет маркировать социальное пространство, подразделяя его на: «мы» (члены регионального сообщества) и «они» (представители других регионов и региональных групп).

Украинский исследователь О. Маланчук отмечала, что на Украине существуют два региональных полюса – Донецк и Львов, сформированные социокультурными различиями. Поэтому исследовательский коллектив проводил полевые социологические исследования, стремясь выявить

региональные отличия в отношении жителей этих городов к политическим процессам и явлениям, а также перспективам будущего. Авторы проекта «Львов-Донецк» подчеркивали, что выбор именно этих городов был обусловлен тем, что они являются в некотором роде «столицами» западного и восточного регионов Украины и их исследование позволит понять особенности населения этих регионов (гипотеза не подтвердилась частично). Исследования начались в 1994 г. и показали, что в представлениях респондентов этих городов отличалось даже восприятие понятия «украинец». Так, для львовян и галичан это в первую очередь идентификация себя с украинской нацией (точнее, украинским этносом), а для жителей Донецка – принадлежность к гражданам Украины. Данный тезис был подтвержден и результатами фокус-групповых исследований в Донецке и Львове в 1996–2006 гг., хоть и для большого количества львовских респондентов понятие «украинец» включало и этнический, и гражданский аспекты [52].

По результатам исследований [53] не выявлено серьезных колебаний идентичности обоих городов за 10 лет. Тем не менее, у жителей Львова она более стабильная и устоявшаяся, иерархия идентичностей осталась практически неизменной. При этом доминантными идентичностями во Львове оставались две: этническая и локальная региональная (украинец и львовянин). Так, львовяне первоначально отождествляли себя с «украинцами»: 1994 г. – 73,1%, 1999 г. – 74,8%, 2004 г. – 72,1%, а потом с «львовянами»: 1994 г. – 69,5%, 1999 г. – 74,6%, 2004 г. – 70,8%.

Респонденты из Донецка продемонстрировали наличие более нестойкой и гетерогенной идентичности. Просматривается изменение в иерархии идентичностей (одни характеристики выпали, а иные пришли им на смену). С 1999 по 2004 гг. происходит стабилизация и укрепление доминантной идентичности – локальной региональной («дончанин» – житель Донбасса): 1994 г. – 55,6%, 1999 г. – 56,4%, 2004 г. – 68,4%. «Украинская» этническая идентичность заняла третье место в 1999 и 2004 гг. составив 39,9 и 42,1% соответственно, в 1994 г. данная идентичность занимала четвертое место – 39,3%.

Следует подчеркнуть, что во Львове получила распространение и общая региональная идентичность («западонец» как представитель Западного региона страны): 1994 г. – 37,9%, 1999 г. – 36,2%, 2004 г. – 29,8%. В Донецке же респонденты значительно реже идентифицируют себя с жителями Востока страны. Так, к жителям востока Украины в 2004 г. себя отнесли только 6,3% жителей Донецка, то есть большинство респондентов не соотносят себя с общей региональной идентичностью. Таким образом, дончане не являются репрезентантами особенностей всего Востока Украины. Данная специфика связана с тем, что еще в советское время сформировался своеобразный субрегион – Донбасс с центром в Донецке. И. Кононов подчеркивает, что есть основания говорить об общественном проекте Донбасс, носителями и реализаторами которого выступают граждане и региональные элиты – преимущественно донецкие (луганские элиты неконсолидированные). Интересной является мысль американского

историка Г. Куромии, который утверждал о существовании внеэтнической донбасской идентичности, которой противопоставляют «образцово национальную» и «европейскую» идентичность львовянина [41, с. 547].

В идентификационной модели дончанина культурно-религиозная идентичность играла важную роль только в 1999 г. – 35,4%, а спустя 5 лет утратила позицию, переместившись в 2004 г. на 6 позицию – 27,3%. Отличия между городами заключаются в том, что у львовских респондентов культурно-религиозная идентичность связана с греко-католической церковью, а у дончан – преимущественно с православной. В Донецке православные верующие преимущественно относят себя к УПЦ КП, УПЦ МП и РПЦ, тогда как во Львове к УГКЦ, УПЦ КП и УАПЦ. Отметим, что в Восточном регионе Украины УПЦ МП принадлежат 45,8%, 39,2% — протестантские приходы (наибольший процент). Согласно данным 2003 г., число приходов новых религиозных организаций только Донецкой области достигало 21,9%, тогда как в Галиции — 2,2% [40, с. 199, 206]. В целом показатели религиозности в городах совпадают с их локальными социокультурными, историческими и экономическими особенностями.

Особо следует отметить, распространенность в Донецке «советской идентичности» в 1994 г., которая составляла 40,0%, в 1999 г. – 21,5%, в 2004 г. – 9,8%. Украинские исследователи Н. Черныш и О. Маланчук предполагали, что такое количественное снижение идентифицирующих себя со страной, которой уже нет покажет интересные тенденции, а именно: носители «советской идентичности» сменили ее на «российскую», однако, подобная гипотеза не нашла подтверждения. Число респондентов, отождествлявших себя с россиянами, было тогда стабильно и составляло около 20%. Можно допустить, что носители «советской идентичности» либо отождествили себя с дончанами (заметный рост респондентов в 2004 г.), либо в меньшей степени – с «украинцами», так как количественно выросли именно эти две позиции. В частности, уже на третье место в 1999 г. поднялась такая разновидность этнической идентичности, как украинская, а в 2004 г. данная позиция осталась неизменной [53].

Во Львове для респондентов с 1994–2004 гг. была характерна этническая и классовая идентичность, а в меньшей степени профессиональная. Наиболее чуждой была политическая идентичность – коммунисты. В Донецке преобладала классовая и профессиональная идентичность и наименее просматривалась – политическая идентичность – украинские националисты. В Донецке наблюдался наименьший уровень толерантности к украинским националистам: 1994 г. – 43,9%, 1999 г. – 31,8%, 2004 г. – 42,7%. Отметим, что уровень неприятия украинских националистов сократился к концу 1990-х гг., и вновь возрос в начале 2000-х годов, что, возможно, связано с событиями «Оранжевой революции» 2004 г. Модели социальной идентификации в двух городах условно можно сгруппировать так: 1) те, кто благосклонно относится к украинским националистам, греко-католикам, политическим реформаторам и украинцам, и одновременно негативно отзываясь о коммунистах, россиянах и «советских людях»; 2) группа характеризуется полностью противоположными ощущениями общности; 3) те, кто не идентифицировал себя ни с одной группой.

Данные социологических опросов свидетельствует о росте поляризации между Львовом и Донецком в вопросе территориальной целостности Украины на 2004 г. Если среди львовян желание относительно территориальной целостности Украины только усиливалось и на 2004 г. достигло 97,9%, то у жителей Донецка отношение к целостности Украины коррелировало с политической ситуацией (1994 г. – 45,8%, 1999 г. – 73%, 2004 г. – 58%), что характерно для всех возрастных групп. Следует отметить, что жители Донецка стремились продолжать вектор взаимодействия на укрепление связей с Россией, хотя показатели с течением времени стабильно снижались: 1994 г. – 76%, 1999 г. – 60%, 2004 г. – 55%. Тем не менее, в Донецке на момент проведения опроса в 2004 году было много приверженцев тесных связей с Россией, которые, правда, тогда отнюдь не выступали против украинской независимости.

Представители отдельных регионов Украины по-разному понимали украинскую государственность и относились к советскому прошлому. У них были «свое прочтение» истории украинского государства и свои коммеморативные практики; различно понимали они украинский патриотизм, относились к статусу русского языка; обладали различными электоральными предпочтениями, а также внешнеполитическими ориентациями и тяготением к межстрановым интеграционным проектам. Так, львовские респонденты, согласно данным исследования «Львов-Донецк», были склонны положительно оценивать те исторические события и личности, которые связаны с националистическим нарративом истории Украины, подчеркивающим ее ориентацию на независимость, в то время как жители Донецка поддерживали феномены, представленные в восточнославянском нарративе, рассматривающем украинцев как тесно связанных с русскими [49, с. 12]. Л. Берингтон пришел к выводу, что внешнеполитические ориентации обусловлены в большей степени региональными факторами, нежели языком, национальностью, религией или образованием [55, р. 59]. То есть, любой выбор в пользу присоединения/неприсоединения страны к какому-либо геополитическому центру способен запустить внутреннюю дестабилизацию страны и усилить существующие политико-идеологические и культурно-цивилизационные противоречия между регионами, усилить тенденции автономизма и сепаратизма. Как отметил российский исследователь К. П. Курылев, Украина, длительный период балансируя между Россией и Западом, четко обозначила вектор своей внешней политики как евроатлантический, что привело к геополитической декомпозиции страны, погружению ее в гражданскую войну [14, с. 20], а позже – к потере территорий.

Региональную идентичность нельзя сводить к поиску отдельных особенностей региона, так как для ее существования необходимо наличие оппонента, против которого она направлена (политически, культурно и т. п.). Отсутствие оппонента затрудняет сам момент противопоставления по классической схеме «мы-они», «свой-чужой». Интересными оказываются данные мониторингового опроса 2005 г. [21] по выявлению факторов национальной толерантности населения Украины и результаты анализа

динамики национальной дистанцированности за 1992–2005 гг. (используется шкала социальной дистанции Богардуса¹), которые позволили выявить парадоксы национального менталитета и выявить отношение населения Украины к другим национальностям. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне психологической обособленности населения Украины от большинства других этносов, преобладают изоляционистские (около 50%) и прямые ксенофобские установки (25%). Особо следует подчеркнуть рост и распространение ксенофобских настроений уже после событий «Оранжевой революции» 2004 г. и особенно юдофобских установок среди украинской молодежи, которые постепенно демонстрировали рост.

Представители большинства иных этносов воспринимаются как «чужие» и «вытесняются» массовым сознанием за пределы страны, а в качестве «своих» население Украины воспринимало преимущественно этнические украинцев, русских и белорусов (после 2014 г., очевидно, и русские были «вычеркнуты»). То есть населению Украины более присуща сильная этническая идентификация и нетерпимость к другим этническим группам.

Украинский исследователь Н. В. Панина отмечала доминантную роль регионального фактора в особенностях формирования национальной толерантности граждан Украины по отношению к различным этносам. Различия по отношению к каждому этносу четко ранжировались на оси «Восток – Юг – Центр – Запад», где Юг тяготеет к Востоку, а Центр – к Западу. Отношение близости к украинцам (как показатель украинской национальной идентичности) ярко выражено на Западе Украины (1,9 балла), на Востоке и Центре Украины составило по 2,0 балла, а в южных регионах зафиксировано значимое увеличение дистанцированности по отношению к украинцам, по сравнению с остальными регионами – 2,6 балла.

Отношение близости к русским (как показатель толерантности) просматривалось преимущественно на Востоке Украины и менее всего – на Западе. Так, среднее значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом от русских составило 3,1 балла. В Восточном регионе отношение к русским можно оценить как национально-идентификационное, так как соответствующий показатель составил 2,3 балла. В Южном регионе он составил 2,9 балла, в Центральном – 3,2 балла, а Западном – достиг верхней критической отметки национальной толерантности по отношению к русским – 4 балла.

Касательно геополитических ориентаций следует подчеркнуть, что у лиц, отрицательно относящихся к союзу с Россией и Беларусью, уровень украинской идентичности выше, чем у тех, кто к такому союзу относится положительно. То есть исследование общественного мнения фиксирует высокий уровень межрегионального отчуждения, а граждане

¹ Шкала социальной дистанции Богардуса измеряет установки одной социальной группы относительно установок других социальных групп (расовых, этнических и иных). В основе этой шкалы лежит следующее принципиальное допущение: чем большее предубеждение испытывает индивидум в отношении конкретной группы, тем меньше он желает взаимодействовать с членами этой группы. То есть данная шкала позволяет измерить степень теплоты, враждебности, безразличия или близости между группами.

Украины считают себя ближе к жителям соседних стран, нежели украинцам из других регионов. Так, дончане гораздо лучше относились к русским в России, чем к украинцам на Западной Украине, что явно указывает на слабость гражданской национальной идентичности как общенационального «чувства единства и принадлежности» [63, р. 36]. Аналогичное различие между тем, что С. Шульман назвал этнической украинской и восточнославянской версиями национальной идентичности, первая из которых основана на титульном языке и местной культуре, а вторая — на преимущественно общей культуре украинцев и русских. Данные особенности создали дополнительное напряжение в процессе внутренней украинской интеграции и сохранении целостности.

Таким образом, уже в исследованиях, проводившихся задолго до «майдана» и переворота 2014 г., четко выявлялся факт существования «двух Украин», «фактически двух наций», «двух цивилизационных конгломератов – украинско- и русско-культурного» [44, с. 574, 585]. Но, по мнению Я. Верменич, такая концепция слишком упрощала проблемы культурного регионализма Украины, не отражая всей их сложности. Ведь необходимо было учитывать не только и не столько цивилизационные различия по линии «Запад – Восток» (Л. Баррингтон и И. Херрон отмечали большую разницу между западным регионом Украины и остальными) [55, р. 60], сколько обращать внимание на истоки становления раздвоенной лояльности, дихотомных ментальностей и региональных идентичностей, что является характерным для ситуации пограничья [31, с. 31].

Как отметил В. С. Ковин, к середине 2000-х гг. у населения Украины превалировала именно местная локальная идентичность [11, с. 56]. Согласно данным Украинского центра экономических и политических исследований им. Разумкова 44,4% респондентов отождествляли себя в первую очередь с определенной местностью или местным сообществом, 31,3% демонстрировали общеукраинскую идентичность и 14,8% – региональную идентичность. При этом общенациональная идентичность (40,4%) оказалась доминантной в западном регионе страны, а региональная (19,4%) – в Восточном. Вероятно, доминирование локальной идентичности может свидетельствовать о слабой вовлеченности граждан в общенациональные процессы, о некоторой обособленности локалитетов друг от друга.

О высоких показателях локальной идентичности свидетельствуют и иные исследования, например, проведенное О. М. Гнатюк [34, с. 245]. Было проанкетировано около 1000 респондентов – жителей разных регионов Украины, населенных пунктов разного иерархического уровня. Вопросы были составлены на основе методики исследования региональной идентичности М. П. Крюлова. Результаты опроса показали, что в масштабах страны самые высокие показатели локальная идентичность показывает в западном регионе (20–30% респондентов ассоциируют себя с населенным пунктом, в котором они проживают), а самые низкие показатели – восточная часть Украины – 10–15%. В юго-восточной части Украины субрегиональная идентичность ослаблена, а доминантной является региональная. Ответы респондентов показали, что 65% жителей Ивано-

Франковской области и 38% жителей Закарпатской в качестве центрального города считают свой районный центр, а областной центр – 1 и 3% соответственно. При этом в Донецкой и Луганской областях респонденты вообще не называли центральным городом свой райцентр, а областной центр указали 75 и 100% опрошенных соответственно. Таким образом можно говорить не только о противостоянии идентичностей, но о борьбе архаики и селянства Западной Украины с модерном и урбанизированными сообществами Украины Восточной (прежде всего Донбасса).

Наиболее сформированной национальная идентичность оказалась в столичном регионе, на западе и центре Украины, а наименьшее – на юго-востоке. Регионами, в которых доминирует украинская идентичность, признаются Волынь и Галичина. Наиболее «украинским» городами из ряда приведенных жители Киева указали на Львов (средний балл 9,29 из 10), Киев (7,29), Полтаву (7,13) и Винницу (6,69), наименее «украинский» – Донецк (2,83) [33, с. 248].

Радикальные изменения в процессе формирования идентичностей на Украине вызвали события, последовавшие за украинским кризисом 2013–2014 гг., а именно вхождение Крыма и г. Севастополя в состав РФ, провозглашение ДНР/ЛНР и пр. Как пишет А. Воронович, около 6 млн человек, для которых была характерна «либо русская, либо восточно-украинская, либо даже интернационалистская постсоветская идентичность ушли из украинского политического процесса» [65, р. 290]. Русские утратили «статус» «суперменьшинства» [17, с. 48] на Украине и это позволило украинской власти проводить агрессивную политику продвижения галицийской культуры и нарративов во всех регионах страны, стремительно элиминировать русский язык из публичной сферы и активной политики памяти, продвигать кампанию десоветизации в сфере символической политики. Так, опросы, проводимые американским университетом Санкт-Галлена в 2013, 2015 и 2017 гг. в рамках проекта «Украинский регионализм», показывают постепенное снижение интереса к праздникам, связанным с советской эпохой, и, наоборот, рост количества праздников, коррелирующих с украинской государственностью и историей. Если в 2013 г. самыми отмечаемыми были 10 праздников: 8 Марта; 9 Мая; 23 Февраля; День города/села; День независимости Украины; 1 Мая; День Конституции; День памяти Голодомора; день рождения Т. Шевченко; 7 Ноября; День Соборности Украины, то в 2015 г. – 12 праздников (добавляются День защитника Украины – 15,6% и День достоинства и свободы – 8%). В 2017 г. праздников уже 15 и набирают поддержку праздники 8 Мая (День мира и согласия) – 20,2%, День Небесной сотни – 16,4% и для 3,1% – день рождения С. Бандеры) [64]. Отметим, что после событий 2014 г. уровень региональной разобщенности на Украине начал демонстрировать отчетливую тенденцию к снижению за счет формирования общеукраинской идентичности [13, с. 58]. Это видно, в том числе, по отношению украинских респондентов к различным регионам Украины. Так, по данным проекта «Украинский регионализм» [57] (где 1 – это абсолютно холодные, а 7 – абсолютно теплые), в 2015 г. – холодно жители Украины относились

к жителям Востока страны – 5,88 пунктов, а наиболее холодно – к жителям Донбасса – 5,18. В 2017 г. – регионы Востока уже воспринимаются своими, а явно выпадает из общей картины лишь Донбасс – 5,52.

Согласно результатам опроса Центра Разумкова [58], которые он проводил в 2006 и 2023 гг., можно констатировать, что в Восточном, Южном и Центральном регионах наблюдался рост самооценки культурной близости с западными регионами страны (например, оценка близости Галичины возросла в этот период на Востоке страны – с 4,7 до 6,2, на Юге – с 4,3 до 6,7, в Центральном регионе – 6,2 до 7,0 баллов)¹, и снижение самооценки близости с Донбассом (на Востоке с 8,4 до 6,5 баллов, На Юге – с 7,4 до 6,3 баллов, в Центральном регионе – с 6,9 до 5,7 баллов). Понимая определенную степень ангажированности данных исследований, тем не менее отметим, что постепенно трансформируется сам смысл принадлежности к украинской нации, что проявляется, прежде всего, в усилении отчуждения от России и усилении украинского национализма.

На Украине происходит рост гражданской идентичности, о чем свидетельствуют данные Киевского международного института социологии (опросы проводились в феврале 2012 г. и сентябре 2014 г), а именно: в 2014 г. 61,4% респондентов (на 10% чем в 2012г.) в общенациональной выборке идентифицировали себя как «гражданин Украины», в отличие от 21%, которые идентифицировали себя со своим городом или селом, и 9% со своим регионом. Тем не менее, заметна регионализация, чаще всего себя с «гражданами Украины» идентифицируют жители Западного (78%) и Центрального региона (80,7%) Украины. Жители Юго-Востока: «гражданин Украины» – 47,7%, житель моего города/поселка/села – 34,2%, житель моего региона – 6,2%. Для жителей Донбасса в 2014 году доминантной являлась региональная идентичность – 30,1%, на втором месте 27,7% – житель моего города/поселка/села, 24,7% – «гражданин Украины». На Донбассе происходит снижение национальной идентичности и одновременный рост значимости региональной идентификации в сравнении с 2012 г.

Свыше 90% респондентов, гордящихся тем, что они являются гражданами Украины, проживают на Западе и в Центре страны, 88,5% – на Юге и 75,6% – на Востоке: в Днепропетровской, Запорожской и Харьковской областях. При всей ангажированности упомянутого исследования, в нем отмечается, что на Востоке страны наблюдается самая значительная доля тех, кто скорее или совсем не гордится своей принадлежностью к Украине (около 20%) [35]. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива совместно с социологической службой Центра Разумкова с 9 по 15 августа 2023 г. Мы отдаем себе отчет в том, что презентуемые данные являются политически ангажированными, но тем не менее даже в этом исследовании выявлено, что 20% респондентов, ориентированных на региональную идентичность и не считающих себя украинцами. Это, по нашему мнению, является очень показательным.

¹ «0» обозначает, что жители этого региона не имеют ничего общего с респондентами в характере, обычаях, традициях, «10» – что, жители этого региона или страны максимально похожи на респондента в характере, обычаях, традициях.

Если в 1990-е гг. принадлежность к нации воспринималась в первую очередь в этнокультурных, а не гражданских терминах, то со временем ситуация изменилась. Фактор 2014 и 2022 гг. оказал влияние на формирование национальной идентичности, которая стала не только более значимой для украинцев, но и приобрела более радикальный смысл, тем самым наполнив гражданскую привязанность к своей стране потенциально исключительным этнокультурным содержанием. Подобные установки, ранее ассоциировавшиеся с украинской этнической идентичностью, стали приниматься многими людьми иного этноса, религии, языковой привязанности, региона.

Украинский исследователь В. Кулик делает акцент на инклюзивности украинской национальной идентичности [59], то есть открытости для всех граждан, однако она и не является строго гражданской, так как включает в себя заметные этнокультурные компоненты. Трансформация украинской идентичности коррелирует с изменением этнокультурного содержания. В ней изменяется ряд принципиальных моментов: проводятся параллели с прошлым (борьба ОУН и УПА¹ за независимость), актуализацию получает украинский язык, а ключевым консолидирующим элементом украинской идентичности становится радикализация антироссийских настроений (особенно после событий 2014 и начала СВО 24 февраля 2022 г.). Конечно, данная ситуация принимается не всеми, на Украине есть симпатизирующие России, тем не менее их количество существенно сократилось. Согласно данным опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии 13–18 мая 2022 г., 2% украинцев хорошо относились к России, о своем плохом отношении к РФ заявили 92% жителей страны. Схожи результаты и мониторинга, проводимого социологической группой «Рейтинг»: абсолютное большинство украинцев – 97% считает РФ враждебной страной [45]. При этом, по результатам исследования социологической группы «Рейтинг», еще в начале февраля 2022 г. 34% украинцев хорошо относились к РФ. Происходит дальнейшее ухудшение отношения украинцев к жителям России. Так, согласно последним доступным данным, 81% респондентов негативно относятся к россиянам (в апреле 2022 г. – 69%, в апреле 2021 г. – 41%), 14% – нейтрально, только 3% – положительно [46].

Трансформация украинской национальной идентичности происходит также под противоречивым внешним влиянием двух конкурирующих и разновекторных идентичностей: панроссийской («русский мир») и европейской. То есть современная региональная поляризация Украины и ее динамика, как отмечает Н. Е. Пелагеша, связаны не только с проявлением исторического фактора «Восток-Запад», а и с реализацией этих политик идентичности [43].

¹ Запрещена в РФ как террористическая организация.

Выводы

Таким образом, Украина с 1991 г. представляет собой одно из государств мира, где региональные различия и вызванные ими проблемы имеют наиболее яркий характер. Каждый регион обладает спецификой, которая задается конвергенцией факторов: географические особенности, культурное и историческое прошлое, особенности менталитета и т. п.

Региональная идентичность пребывает в сложных отношениях с идентичностями иного порядка: чем сильнее идентичность национальная, этническая, тем слабее – региональная. Доминирование в идентификационной системе индивида этнической или региональной идентичности в противовес общенациональной (гражданской) может выступить реальной угрозой для целостности государства.

Процесс формирования украинской национальной идентичности характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. Начиная с провозглашения независимости, наблюдались и фиксировались исследованиями разные тренды в формировании идентичности жителей Западного и Восточного регионов Украины – акцент на общенациональные (всеукраинские) и региональные интересы соответственно.

События украинского кризиса 2014 г. и последовавшие попытки вооруженным путем заставить Донбасс жить в соответствии с принципами Галицийского проекта, запустили процесс сецессии региона. Как заметил А. Ермолаев, «на Донбассе мы имеем дело с выраженным социокультурным конфликтом, в котором присутствуют признаки диффузности. ... В условиях глубокого кризиса нормативности и морально-духовного разрушения единого поля разные люди выстраивают для себя разные картины мира, и там, и там появляются «свои правды», которые часто называют антагонистичными. Миллионы людей ощущают себя лишними. Они не видят себя в этой модели государства. ...»¹. Украинские власти начали так называемую «антитеррористическую операцию» против Донецкой и Луганской Народных Республик (включающие региональные столицы Донецк и Луганск) с применением тяжелых видов вооружений и активном привлечении радикалов (нацбаты «Айдар», «Азов», «Торнадо»² и др.). Тем не менее, население республик сумело самоорганизоваться и дать отпор радикалам. Впоследствии противостояние перешло в боевые столкновения между вооруженными формированиями ополченцев ДНР-ЛНР с силовыми структурами Украины.

Следствием стало военное разделение Донбасса на две части в период с 2014 по 2022 гг. С одной стороны, ДНР и ЛНР, которые активно налаживали интеграционные связи с Россией, например, путем выдачи российских паспортов, введения рубля в качестве местной валюты и т. п. С другой – значительная часть Донецкой и часть Луганской областей, которые контролировались киевскими властями, активно исключали территории

¹ Денисенко Л. Монологи Ермолаева: С историей можно играть, но история играет злее // «Газета 2000» (Киев). 2014. 18–24 июля. С. 4–5.

² Признаны террористическими и запрещены в России.

ДНР и ЛНР из своего суверенного пространства посредством создания ряда препятствий, в частности, доступа населения республик к социальным выплатам, нарушением торговых отношений путем блокады поставок угля из республик и т. п. Данные процессы несомненно оказали влияние на идентичность, которая немного сдвинулась в сторону ощущения себя «более украинцами» или «более русскими» в зависимости от места локации.

Закрепление новой демаркации в 2022 г. задает тон дня формирования идентичности «Русского Донбасса», требуя от российского государства проведения целенаправленной и широкомасштабной политики идентичности, организованной органами государственной власти, политическими партиями, общественными организациями, целью которой является социокультурная интеграция, формирование и укрепление российской национальной идентичности населения территорий пост-Украины. Следует отметить, что конструирование идентичности сообществ в республиках Донбасса идет достаточно успешно, концепция «Русский Донбасс», как показывают исследования [3, с. 56–57], положительно оценивается подавляющим большинством жителей региона. Активно идет работа с молодежью, предпринимаются серьезные усилия в области патриотического воспитания, наблюдается вовлечение детей и молодежи в общероссийские организации и акции. Ведется активная работа в области исторической памяти: чествование и увековечение памяти новых героев-ополченцев и мирных жителей, героев России. Более того, события Великой Отечественной войны переосмысливаются через призму нынешних военных действий в контексте борьбы против фашизма и нацизма. Отмечаются российские праздники и появляются новые республиканские. Например, в конце февраля Луганская и Донецкая республики отмечают годовщину окончания «Дебальцево-Чернухинской операции», когда ВСУ были разгромлены в «Дебальцевском котле».

Современная «российская пост-Украина» вобрала в себя практически все регионы Украины, где была раньше сильная русская идентификация, что, с одной стороны, объективно решает проблему гетерогенности Украины и позволяет в условиях отсутствия русского «суперменьшинства» продвигать относительно безболезненно Галицийский проект, а с другой – создает основу для интеграции новых территорий в российское социокультурное пространство.

Библиографический список

1. Ачкасов В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2012. Вып. 1. С. 85–91. EDN: OQRILX.
2. Баранов А. В. Современный конфликт идентичностей на Украине: влияние на дезинтеграцию общества // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4. С. 18–24. EDN: VCHDQF.

3. Баранов А. В. Направления и методы конструирования идентичности в условиях вооруженного конфликта (на материалах Донецкой и Луганской народных республик) // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права / Под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной. Симферополь: Ариал, 2023. С. 56–61. EDN: OJZSXA.
4. Вавилов А. Актуальные политические проявления регионализма в условиях кризиса власти на Украине // Международные процессы. 2021. № 19(2). С. 85–104. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.5; EDN: IBVICM.
5. Валецький О. Актуальні питання державної політики ідентичності в сучасних умовах // Наукові перспективи. 2023. № 9(39). С. 52–65. DOI: 10.52058/2708-7530-2023-9(39)-52-65.
6. Верменич Я. В. Донбас у контексті теорій порубіжжя: соціогуманітарний аналіз // Український історичний журнал. 2015. № 1. С. 108–134.
7. Верменич Я. В. Регионализм в Украине как культурный феномен // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2014. № 1. С. 28–35. DOI: 10.15356/0373-2444-2014-1-28-35; EDN: RWTVFF.
8. Верменич Я. В. Територіальна ідентичність українського пограниччя: історичні витоки та геополітичні впливи / Відп. ред. В. А. Смолій. НАН України. К.: Інститут історії України, 2019. 367 с.
9. Гнатюк О. М. Ієрархічна структурованість просторової ідентичності населення України // Економічна та соціальна географія. Вип. 65. 2012. С. 242–250.
10. Грицай Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009. 220 с.
11. День Незалежності України: шлях до перемоги, ідентичність та цінність держави на тлі війни. URL: https://dif.org.ua/article/den-nezalezhnosti-ukraini-shlyakh-do-peremogi-identichnist-ta-tsinnist-derzhavina-tli-viyini#_Toc143506371 (дата обращения: 16.06.2024).
12. Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
13. Дністрянський М. С. Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. Львів: Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. 490 с.
14. Жильцов С. С. Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 4. С. 21–36. EDN: TAFSHF.
15. Жирун И. В. Формирование украинской идентичности: гражданская, этническая или постколониальная? // Россия в современном мире. 2021. № 3. С. 145–164. DOI: 10.31249/rsm/2021.03.09; EDN: BVHSRM.
16. Журженко Т. Ю. Расширение Европы и перспективы «европеизации» украинско-российского пограничья // Политика. 2004. № 2. С. 106–119.

17. Ідентичність громадян України: тенденції змін (травень 2023р.). URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/identychnist-gromadian-ukrainy-tendentsii-zmin-traven-2023r> (дата обращения: 14.06.2024).
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
19. Ковин В. С. Призрачный регионализм: случай Украины // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2020. № 14(1). С. 54–66. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-54-66; EDN: YJSXYI.
20. Кононов І. Ф. Донбас в етнокультурних координатах України (соціологічний аналіз): дис. ... д-ра соціол. н. Луганск, 2005. 473 с.
21. Корольов Г. О. Український федералізм в історичному дискурсі (XIX – початок XX століття). К.: Інститут історії України НАН України, 2010. 150 с.
22. Косов Г. В., Маковская Д. В. Население Украины в условиях государственного транзита: ретроспективный анализ // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 1(17). С. 67–75. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.8; EDN: EHOUNT.
23. Косов Г. В., Маковская Д. В. К вопросу о методологии пространственной дифференциации Украины в контексте дисфункционализма и феномена «тридцатилетней аморфной целостности» // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 1(17). С. 56–66. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.7; EDN: CXLOID.
24. Кочан Н. І. Релігійність в Україні регіональний вимір. Сб. науч. работ. Каменец-Подольский нац. ун-т им. И. Огиенко. 2010. Вып. 1. С. 197–208.
25. Куромія Г. Донбас поміж Україною та Росією: позанаціональна ідентичність? // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів. Луганськ, 2002. С. 541–554.
26. Курылев К. П. Факторы, детерминирующие перманентную нестабильность на Украине // Постсоветские исследования. 2018. № 1. С. 20–30. EDN: XRPPJJ.
27. Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: Хрестоматія / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. С. 47–76. EDN: NCUNUL.
28. Мельничук С. В. Происхождение и особенности региональной поляризации во внешнеполитических ориентациях населения Украины // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. № 2. С. 116–127. EDN: FXTNEI.
29. Миллер А. И. Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65; EDN: JKBXGA.

30. Мчедлов М. П. Общие вопросы религиозной идентичности: к постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: ИС РАН, 2008. С. 13–33.
31. Нагорна Л. П. Регіональна ідентичність: український контекст. К.: ІШЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2008. 405 с.
32. Наумов А. О., Наумова А. Ю. Проблема региональной идентичности как фактор общественно-политического кризиса на Украине 2004 г. // Известия АлтГУ. 2021. № 3(119). С. 54–60. DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-07; EDN: USCKKV.
33. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1(81). С. 26–38.
34. Пахоменко С. П. Фактор ідентичності в українській кризі: приклад Донбасу // Вісник Маріупольського державного ун-ту. Сер.: Історія. Політологія. 2015. Вип. 12. С. 246–253.
35. Пелагеша Н. Є. Трансформація української національної ідентичності в умовах глобалізації: автореф. дис... канд. політ. н. К., 2009. 26 с.
36. Політичні проблеми сучасної України. Аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. К.: ІШЕНД, 2012. 600 с.
37. Рейтинг Моніторинг, 26-та хвиля: Оцінка дружності країн (10–11 лютого 2024). URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/rejting-monitoring-26-ta-hvilya-ocinka-druzhnosti-krayin-10-11-lyutogo-2024.html> (дата обращения: 16.06.2024).
38. Рогатин В. Н. Гонения на Православие на Украине в 2014–2016 гг. М.: РИСИ, ФИВ, 2017. 224 с.
39. Рогатин В. П. Трансформація ролі субнаціональних регіонів у сучасних політичних процесах: автореф. дис... канд. політ. н. Сімф., 2007. 20 с.
40. Рябчук М. Ю. «Сяк-так, абияк»: двадцять років посткомуністичної трансформації в Україні // Україна. Процеси націотворення. К.: К.І.С., 2011. С. 381–396.
41. Семнадцатый общенациональный опрос: Идентичность. Патриотизм. Ценности (17–18 августа, 2022). URL: https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/s_mnadcyate_zagalnonac_onalne_opituvannya_dentichn_st_patr_otizm_c_nnost_17-18_serpnya_2022.html (дата обращения: 16.06.2024).
42. Серета В., Судин Д. Львів'янин – окрема ідентичність чи просто прописка // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Сер. «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». 2008. № 795. С. 94–98.

43. Серета В. В. Регіональні виміри українського соціуму: історичне минуле і національні ідентичності // Агора. Україна – регіональний вимір. 2006. Вип. 3. С. 29–41.
44. Серета В. В. Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні: автореф. дис... канд. соціол. н. К., 2006. 22 с.
45. Степико М. Т. Українська ідентичність: феномен і засади формування / Національний інститут стратегічних досліджень. К.: НІСД, 2011. 336 с.
46. Томайчук Л. В. Регионализм и региональная идентичность в современной Украине // ПОЛИТЭКС. 2013. № 9. № 1. С. 252–263. EDN: RVOLQP.
47. Фадеева Л. А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 150–162. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162; EDN: FRYLMA.
48. Халий И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. 2014. № 4(11). С. 23–33. EDN: RFUMXG.
49. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
50. Черниш Н., Маланчук О. Динаміка ідентичностей мешканців Львова і Донецька: компаративний аналіз (1994–2004 рр.). URL: https://uamoderna.com/images/archiv/12_2/5_UM_12_2_Statti_Chernysh_Malanchuk.pdf (15.06.2024).
51. Шлихта И. В. Образ внешнего врага в сочинениях Дмитрия Донцова 1921–1939 годов // Интеллигенция и власть. 2013. № 28. С. 142–152. DOI: 10.17223/18572685/50/7; EDN:
52. Якими українці бачать відносини України і Росії та які асоціації у українців викликають Росія та прості росіяни. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1420&page=2&t=13> (дата обращения: 20.07.2024).
53. Barrington L. W., Herron E. S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. No. 1. P. 53–86. DOI: 10.1080/0090599042000186179.
54. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 247 с.
55. Identities and Regionalism. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/identities/> (дата обращения: 14.06.2024).
56. Kulyk V. Ukrainian Identity in Time of War: More Salient and Radical. URL: <https://www.iwm.at/publication/iwmpost-article/ukrainian-identity-in-time-of-war-more-salient-and-radical> (дата обращения: 16.06.2024).

57. Kuzio T. Identity and nation-building in Ukraine: Defining the «Other» // *Ethnicities*. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 343–365. DOI: 10.1177/146879680100100304.

58. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 407–427. DOI: 10.1080/00905990600842080.

59. Kuzio T. Ukraine's relations with the west: disinterest, partnership, disillusionment // *European Security*. 2003. Vol. 12. No. 2. P. 21–44. DOI: 10.1080/09662830412331308046.

60. Lewicka M. Regionalne zróżnicowanie poczucia tożsamości: porównanie Polski i Ukrainy // *Studia Regionalne i Lokalne*. 2006. No. 1(23). S. 5–35.

61. Shulman S. The Cultural Foundations of Ukrainian National Identity // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 1. P. 35–56. DOI: 10.1080/0966813032000161437.

62. Survey infographics. Historical memory. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/historical-memory/> (дата обращения: 14.06.2024).

63. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. No. 3. P. 288–302. DOI: 10.1080/10758216.2019.1594918.

Получено редакцией: 06.08.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-философские и политические науки»

Ярмак Ольга Валерьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры «Социально-философские и политические науки»

Гарас Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социально-философские и политические науки»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7

Galicia and Donbass as Ideal Models Of Regional Identity: Sociocultural Roots of the Confrontation Between Western and Eastern Ukraine¹

Gennady V. Kosov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

kossov1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1422-895X

¹ **Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of the project by the RSF no. 23-28-01684 “Features of the perception of state transit in the regions of post-Ukraine”.

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

olga_yarmak@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5025-9112

Lyudmila N. Garas

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

garas_ln@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0391-652X

For citation: Kosov G. V., Yarmak O. V., Garas L. N. Galicia and Donbass as Ideal models of regional identity: sociocultural roots of the confrontation between Western and Eastern Ukraine. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.

Abstract. The article examines ideal models of regional identity in Ukraine – Galicia and Donbass. It is emphasised that Ukraine, having become a sovereign state and appeared on the political map of the world in 1991, faced the problem of a pronounced mosaic of regions. Individual regions were included in Ukraine already formed as distinctive entities with stable features of culture and way of life of the population. The authors emphasise that on the territory of Ukraine there coexisted a number of territorial complexes that were rather weakly connected with each other, and their subordination to various states due to frequent changes in borders determined their complex interaction. The processes of changing the political affiliation of regions actualise the identification issue, and identity in such conditions turns into a kind of demiurge of reality and can act as the main, and sometimes the only source of meanings. The declaration of independence by Ukraine actualised historically formed contradictions, previously existing mainly latently. The article proves the existence of socio-cultural regions, unique ethno-territorial communities, creating a continuum with a clearly expressed dichotomy – Donbass and Galicia. Beginning from the first years of Ukraine’s independence, the image of the new independent country as a great European power, the formation of which has always been hindered and continues to be hindered by Russia, was actively introduced into the consciousness of citizens. That is, a project was promoted based on Galician nationalism (with an emphatically Russophobic basis) and the concept of the “titular Ukrainian nation”. In turn, regionalist sentiments in the Eastern Ukraine showed that regional identity can have great potential for the social integration of citizens. Since the 1990s, Donbass has often acted as an object of deliberate “otherness” on the part of the Ukrainian political and cultural elite, which was a contrasting background in the context of the practices of national construction in Ukraine. The authors conclude that the formation of Ukrainian national identity was carried out in a very contradictory manner and was characterised by a clear dominance of regional identity in the Eastern Ukraine against the background of the total promotion of the Galician project, and since 2014, its promotion has been carried out by armed means. However, the violent desire to level the regional identity of the inhabitants of the Eastern Ukraine launched the process of secession of the region – the self-proclamation of the DPR and LPR and their subsequent inclusion in the Russian Federation in 2022.

Keywords: regional identity, Ukraine, Russia, Donbass, Galicia

References

1. Achkasov V. A. Ethnic and national identity in the modern world. *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012: 1: 85–91 (in Russ.). EDN: OQRILX.
2. Baranov A. V. Directions and methods of identity construction in conditions of armed conflict (based on the materials of the Donetsk and Lugansk people’s republics). In *Political Space and Social Time: The Right of Might vs. the Power of Law*. Ed. by T. A. Senyushkin. Simferopol, Arial, 2023: 56–61 (in Russ.). EDN: OJZSXA.
3. Baranov A. V. Contemporary identities’s conflict in Ukraine: its influence on social disintegration. *Nacionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie*, 2015: 4: 18–24 (in Russ.). EDN: VCHDQF.
4. Vavilov A. Current political manifestations of regionalism in the context of the power crisis in Ukraine. *International Trends. Mezhdunarodnye process*, 2021: 19(2): 85–104 (in Russ.). DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.5; EDN: IBBICM.
5. Valevskij O. Topical issues in modern conditions of state policy of identity. *Naukovi perspektivi*, 2023: 9(39): 52–65 (in Ukr.). DOI: 10.52058/2708-7530-2023-9(39)-52-65.
6. Vermenich Ya. V. Donbas in the context of borderlandstheories: socio-humanitarian analysis. *Ukrayinskij istorichnij zhurnal*, 2015: 1: 108–134 (in Ukr.).

7. Vermenich Ya. V. Regionalism in Ukraine as a cultural phenomenon. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Ser. geograficheskaya*, 2014: 1: 28–35 (in Russ.). DOI: 10.15356/0373-2444-2014-1-28-35; EDN: RWTVFF.
8. Vermenich Ya. V. Territorial identity of the Ukrainian border region: historical origins and geopolitical influences. Ed. by V. A. Smolij. Kiev, Institut istoriyi Ukrayini, 2019: 367 (in Ukr.).
9. Gnatyuk O. M. Hierarchical structure of spatial identity of the Ukrainian population. *Ekonomichna ta socialna geografiya*, 2012: 65: 242–250 (in Ukr.).
10. Gricaj E., Nikolko M. Ukraina: nacionalnaya identichnost v zerkale Drugogo [Ukraine: National Identity in the Mirror of the Other]. Vilnyus, EGU, 2009: 220 (in Russ.).
11. Independence Day of Ukraine: the path to victory, the identity and value of the state against the background of war. Accessed 16.06.2024. URL: https://dif.org.ua/article/den-nezalezhnosti-ukraini-shlyakh-do-peremogi-identichnist-ta-tsinnist-derzhavi-na-tli-viyini#_Toc143506371 (in Ukr.).
12. Dergachyov V. A. Raskalyonnye rubezhi [Hot Frontiers]. Odessa, Astroprint, 1998: 104 (in Russ.).
13. Dnistrianskij M. S. Etnopolitichna geografiya Ukrayini: problemi teorii, metodologiyi, praktiki [Ethnopolitical geography of Ukraine: problems of theory, methodology, practice]. Lviv, Vid. centr LNU im. Ivana Franka, 2006: 490 (in Ukr.).
14. Zhilcov S. S. The origins of contemporary ukrainian nationalism. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2014: 4: 21–36 (in Russ.). EDN: TAFSHF.
15. Zhirun I. V. Formation of the Ukrainian Identity: Civic, Ethnic or PostColonial? *Rossiya v sovremennom mire*, 2021: 3: 145–164 (in Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2021.03.09; EDN: BVHSRM.
16. Zhurzhenko T. Yu. Rasshirenje Evropy i perspektivy «evropeizacii» ukrainsko-rossijskogo pogranichya [The expansion of Europe and the prospects for the “Europeanization” of the Ukrainian-Russian borderland]. *Politiya*, 2004: 2: 106–119 (in Russ.).
17. Identity of citizens of Ukraine: trends of change (May 2023). Accessed 14.06.2024. URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/identychnist-gromadian-ukrainy-tendentsii-zmin-traven-2023r>. (in Ukr.).
18. Kastels M. The information age: economy, society and culture. Transl. from Eng., ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, GU VSHE, 2000: 606 (in Russ.).
19. Kovin V. S. Gnostly regionalism: the case of Ukraine. *Vestnik Permskogo un-ta. Politologiya*, 2020: 14(1): 54–66 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-54-66; EDN: YJSXYI.
20. Kononov I. F. Donbas in ethno-cultural coordinates of Ukraine (sociological analysis): dis. ... d-ra sociol. n. Lugansk, 2005: 473 (in Ukr.).
21. Korolov G. O. Ukrainian federalism in the historical discourse (the 19th – early 20th centuries). Kiev, Institut istoriyi Ukrayini NAN Ukrayini, 2010: 150 (in Ukr.).
22. Kosov G. V., Makovskaya D. V. Population of Ukraine in conditions of state transit: a retrospective analysis. *KANT: Social science & Humanities*, 2024: 1(17): 67–75 (in Russ.). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.8; EDN: EHOUNT.
23. Kosov G. V., Makovskaya D. V. On the issue of the methodology of spatial differentiation of Ukraine in the context of dysfunctionality and the phenomenon of “thirty years of amorphous integrity”. *KANT: Social science & Humanities*, 2024: №1(17): 56–66 (in Russ.). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.7; EDN: CXLOID.
24. Kochan N. I. Religious situation in Ukraine: regional aspect. *Sbornik nauchnyh robot. Kamenec-Podolskij nac. un-t im. I. Ogienko*, 2010: 1: 197–208 (in Ukr.).
25. Kuromiya G. Donbas pomizh Ukrayinoyu ta Rosiyeyu: pozanacionalna identichnist? [Donbas between Ukraine and Russia: extra-national identity?] Globalizaciya. Regionalizaciya. Regionalna politika. Hrestomatiya z suchasnoyi zarubizhnoyi sociologiyi regioniv, Lugansk, 2002: 541–554 (in Ukr.).
26. Kurylev K. P. Determinating factors of permanent instability in Ukraine. *Postsovetskie issledovaniya*, 2018: 1: 20–30 (in Russ.). EDN: XRPPJJ.
27. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System and Voter Alignment. Partii i vybory: Hrestomatiya [Parties and Elections: A Reader]. Ed. by N. V. Anohina, E. Yu. Meleshkina. Ch.1. Moscow, INION, 2004: 47–76 (in Russ.). EDN: NCUNUL.

28. Melnichuk S. V. The origin and characteristics of regional polarization in the foreign policy orientations of the population of Ukraine. *Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya*, 2023: 2: 116–127 (in Russ.). EDN: FXTNEI.
29. Miller A. I. National identity in Ukraine: history and policy. *Rossiya v globalnoj politike*, 2022: 20: 4: 46–65 (in Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65; EDN: JKBXGA.
30. Mchedlov M. P. Obshie voprosy religioznoj identichnosti: k postanovke problemy, usloviya ee obektivnogo analiza [General issues of religious identity: towards the formulation of the problem, conditions for its objective analysis]. *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnyh processah) [Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)]*. Ed. by M. P. Mchedlov. Moscow, IS RAN, 2008: 13–33 (in Russ.).
31. Nagorna L. P. Regional identity: ukrainian context. Kiev, IPIEND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008: 405 (in Ukr.).
32. Naumov A. O., Naumova A. Yu. The problem of regional identity as a factor in the socio-political crisis in Ukraine in 2004. *Izvestiya AltGU*, 2021: 3(119): 54–60 (in Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-07; EDN: USCKKV.
33. Panina N. V. Factors of national identity, tolerance, xenophobia, and anti-semitism in the present-day Ukraine. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2006: 1 (81): 26–38 (in Russ.).
34. Pahomenko S. P. Identity faktor in terms of Ukrainian crisis (on the example of Donbass region). *Visnik Mariupolskogo derzh. un-tu. Ser.: Istoriya. Politologiya*, 2015: 12: 246–253 (in Ukr.).
35. Pelagesha N. Ye. Transformation of the Ukrainian national identity under conditions of globalization: avtoref. dis... kand. polit. n. Kiev, 2009: 26 (in Ukr.).
36. Politichni problemi suchasnoyi Ukrayini. Analitichni dopovidi Institutu politichnih i etnonacionalnih doslidzhen im. I. F. Kurasa NAN Ukrayini [Political problems of modern Ukraine. Analytical reports of the Institute of Political and Ethnonational Studies named after I. F. Kuras NAS of Ukraine]. Kiev, IPIEND, 2012: 600 (in Ukr.).
37. Rating Monitoring, 26th wave: Rating of the friendship of countries (February 10–11, 2024). Accessed 16.06.2024. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/rejting-monitoring-26-ta-hvilya-ocinka-druzhnosti-krayin-10-11-lyutogo-2024.html> (in Ukr.).
38. Rogatin V. N. Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016. Moscow, RISI, FIV, 2017: 224 (in Russ.).
39. Rogatin V. P. Transformaciya roli subnacionalnih regioniv u suchasnih politichnih procesah [Transformation of the role of subnational regions in modern political processes]: avtoref. dis... kand. polit. n. Simferopol, 2007: 20 (in Ukr.).
40. Ryabchuk M. Yu. «Syak-tak, abiyak»: dvadcyat rokiv postkomunistichnoyi transformaciyi v Ukrayini [“One way or another”: twenty years of post-communist transformation in Ukraine]. In *Ukrayina. Procesi naciotvorennia*. Kiev, K.I.S., 2011: 381–396 (in Ukr.).
41. The Seventeenth National Poll: Identity. Patriotism. Values (August 17–18, 2022). Accessed 16.06.2024. URL: https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/s_mnadcyate_zagalnonac_onalne_opituvannya_dentichn_st_patr_otizm_c_nnost_17-18_serpnya_2022.html (in Ukr.).
42. Sereda V., Sudin D. Lviv'yanin – okrema identichnist chi prosto propiska [A Lvivian is a separate identity or just a residence permit]. *Visnik HNU im. V. N. Karazina. Ser. «Sociologichni doslidzhennya suchasnogo suspilstva: metodologiya, teoriya, metodi»*, 2008: 795: 94–98 (in Ukr.).
43. Sereda V. V. Regionalni vimiri ukrayinskogo sociumu: istorichne minule i nacionalni identichnosti [Regional dimensions of Ukrainian society: historical past and national identities]. *Agora. Ukrayina – regionalnij vimir*, 2006: 3: 29–41 (in Ukr.).
44. Sereda V. V. Regional differences in historical identities and their impact on the formation of current political orientations in Ukraine: Avtoref. dis... kand. sociol. n. Kiev, 2006: 22 (in Ukr.).
45. Stepiko M. T. Ukrayinska identichnist: fenomen i zasadi formuvannya [Ukrainian identity: phenomenon and principles of formation]. Kiev, NISD, 2011: 336 (in Ukr.).
46. Tomajchuk L. V. Regionalism and regional identity in modern Ukraine. *POLITEKS*, 2013: 9: 1: 252–263 (in Russ.). EDN: RVOLQP.
47. Fadeeva L. A. From social chronotope to political myth: Ukrainian case. *Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya*, 2023: 25: 1: 150–162 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162; EDN: FRYLMA.

48. Halij I. A. Modern russian borderland: general characteristics. *Vestnik instituta sotziologii*, 2014: 4(11): 23–33 (in Russ.). EDN: RFUMXG.
49. Hantington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. Transl. from Engl. by T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow, AST, 2003: 603 (in Russ.).
50. Chernish N., Malanchuk O. Comparative analysis of identities in L'viv and Donetsk (1994–2004). Accessed 15.06.2024. URL: https://uamoderna.com/images/archiv/12_2/5_UM_12_2_Statti_Chernysh_Malanchuk.pdf (in Ukr.).
51. Shlihta I. V. Obraz vneshnego vruga v sochineniyah Dmitriya Doncova 1921–1939 godov [The image of the enemy in the works by D. Dontsov in 1921–1939]. *Intelligenciya i vlast*, 2013: 28: 142–152 (in Russ.). DOI: 10.17223/18572685/50/7.
52. How do Ukrainians see relations between Ukraine and Russia and what associations do Ukrainians have with Russia and ordinary Russians. Accessed 20.07.2024. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1420&page=2&t=13> (in Ukr.).
53. Barrington L. W., Herron E. S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences. *Nationalities Papers*, 2004: 32: 1: 53–86 DOI: 10.1080/0090599042000186179.
54. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991: 247.
55. Identities and Regionalism. Accessed 14.06.2024. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/identities/>.
56. Kulyk V. Ukrainian Identity in Time of War: More Salient and Radical. Accessed 16.06.2024. URL: <https://www.iwm.at/publication/iwmpost-article/ukrainian-identity-in-time-of-war-more-salient-and-radical>.
57. Kuzio T. Identity and nation-building in Ukraine: Defining the «Other». *Ethnicities*, 2001: 1: 3: 343–365. DOI: 10.1177/146879680100100304.
58. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine. *Nationalities Papers*, 2006: 34: 4: 407–427. DOI: 10.1080/00905990600842080.
59. Kuzio T. Ukraine's relations with the west: disinterest, partnership, disillusionment. *European Security*, 2003: 12: 2: 21–44. DOI: 10.1080/09662830412331308046.
60. Lewicka M. Regionalne zroznicowanie poczucia tozsamosci: porownanie Polski i Ukrainy [Regional Differentiation of Identity: Comparison of Poland and Ukraine]. *Studia Regionalne i Lokalne*, 2006: 1(23): 5–35 (in Pol).
61. Shulman S. The Cultural Foundations of Ukrainian National Identity. *Europe-Asia Studies*, 2004: 56: 1: 35–56. DOI: 10.1080/0966813032000161437.
62. Survey infographics. Historical memory. Accessed 14.06.2024. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/historical-memory/>.
63. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass. *Problems of Post-Communism*, 2020: 67: 3: 288–302. DOI: 10.1080/10758216.2019.1594918.

The article was submitted on: August 6, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gennady V. Kosov, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences

Olga V. Yarmak, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences

Lyudmila N. Garas, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences